

G

**ОСЛОВНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В РОССИИ
В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИИ
вторая половина XVI—середина XVII вв.**

ГЕРМАНСКИЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ В МОСКВЕ

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ

РОССИЙСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
АССОЦИАЦИЯ УЧИТЕЛЕЙ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ

**СОСЛОВНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В РОССИИ
В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИИ
вторая половина XVI–середина XVII вв.**

*Международная научная конференция
7–10 октября 2013 г.*

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

МОСКВА 2013 г.

**«СОСЛОВНО-ПРЕДСТАВИТЕЛЬНАЯ МОНАРХИЯ»:
ОШИБКА В ПЕРЕВОДЕ?**

Прежде чем обсуждать вопрос о том, в какой мере земские соборы XVI – XVII вв. являлись сословно-представительными учреждениями (органами сословного представительства), а Россия того же времени – сословно-представительной монархией, стоит проанализировать характер используемых понятий; их происхождение и смыслы, связанные с теми или иными из них; определить время и обстоятельства складывания концепций, частью которой данная терминология являлась, и выяснить, в какой мере, как эти концепции, так и их термины применимы сегодня. Если применимы, то в какого рода переосмыслении они, возможно, нуждаются, если же неприменимы, то по каким причинам. Вопрос заслуживает обсуждения, уже хотя бы из-за тех трудностей, с какими столь привычные нам понятия «сословно-представительная монархия» или «сословное представительство» переводятся на иностранные языки. Сложности с переводом позволяют предположить, что используемые термины – не общеупотребительны, а значит, тем важнее прояснить смыслы, за ними стоявшие раньше и стоящие сегодня. Между тем подробного историко-терминологического исследования судьбы «сословно-представительной монархии» у российских историков и правоведов до сих пор не предпринималось. Данный доклад, естественно, не может претендовать на статус такого исследования. Наша цель лишь в том, чтобы привлечь внимание к обозначенной проблеме.

Идея о том, что земские соборы XVI – XVII вв. – явления того же порядка, что и французские Генеральные штаты или средневековый английский Парламент, неоднократно формулировалась отечественными историками в выражениях, порой весьма сходных, хотя в политических и историографических обстоятельствах совершенно непохожих¹. Очевидна кардинальная разница между двумя основными этапами дискуссии. На первом - в дореволюционных работах (выходивших с середины XIX в.) подчеркивание такого параллелизма выражало в подцензурной форме надежду (с теми или иными оттенками) на скорое превращение России в конституционную монархию, аналогичную западноевропейским². Раз в российском прошлом имелись ранние формы представительства (в принципе такие же, как в Англии и Франции), то это залог того, что она способна создать и настоящий парламент, – тем более, что Англия и Франция тоже прошли через стадию «самодержавия». На втором этапе, в советской историографии, тема «народного представительства» начисто потеряла былую жгучую актуальность, но «сословная монархия», тем не менее, из учебников не исчезла, поскольку приобрела новые политические коннотации – как небо от земли отличавшие-

¹ Разумеется, всегда хватало историков, вовсе не склонных к сближению земских соборов с западными («протопарламентами»). Среди них были и такие известные специалисты, как Н.И. Костомаров и В.О. Ключевский. Однако эта политико-историографическая линия здесь по понятным причинам должна быть вынесена за скобки.

² «... история представительных учреждений, которая ничто иное, как история самого начала свободь». – Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М., 1866. С. 199.

сы от прежних. Теперь она стала трактоваться не как многообещающий отрезок пути ко всеобщей народной свободе, а напротив, как стадия развития государства – притом в направлении к абсолютизму – и, что не менее важно, как ступень на пути к централизации.

При всем различии – может быть, даже диаметральной противоположности этих подходов – оба они в сходной мере представляли собой попытки перенести на российский материал идеи и термины, актуальные у соответствующих поколений российских медиевистов-западников. На обоих этапах показательным стремлением «русистов» вписать отечественную историю в «единый исторический процесс» (хотя характер этого процесса в обоих случаях определялся совершенно различным образом), общий со странами Западной Европы. Кроме того, во втором случае медиевистам-«западникам» – авторам послевоенных университетских и школьных учебников – удалось широко распространить свое представление о сословно-представительной монархии (и ее институтах) как отдельной, притом важной (а то и неизбежной) стадии развития европейского государства. Такая постановка вопроса дополнительно стимулировала советских «русистов» к поиску именно сходных черт у земских соборов с западными сословными учреждениями, а не различий между ними. Ведь в советской идеологии (куда в большей степени, чем в нынешней) российская история рассматривалась в качестве составной части истории европейской.

Однако именно у медиевистов-западников – притом еще дореволюционной поры – возникли, видимо, серьезные сложности с обозначением предмета их интереса. Знаменитый курс лекций Ф. Гизо (прочитанный еще в начале 20-х гг. XIX в.), видимо, в первую очередь, и побудивший российских либеральных историков присмотреться к средневековому английскому Парламенту и подобным ему собраниям в других странах, был посвящен истории не «сословного представительства», а «представительного правления»³. В Российской империи подробно обсуждать явления, подпадающие под последний термин, было не вполне удобно, поскольку «представительное правление» – это и есть альтернатива правлению самодержавному. У Ф. Гизо (как и у многих других западных историков до и после него) речь шла не о «представительстве сословий», а – в духе идей Просвещения – о постепенном вызревании представительства всего народа или всей нации, о движении к конституционной монархии. Российским либеральным историкам, видимо, пришлось, во-первых, эту перспективу обойти молчанием, «вынести ее в контекст», куда-то между строк своих сочинений, а во-вторых, искать приемлемые для цензуры обозначения начальной стадии этого процесса.

Основную роль здесь суждено было сыграть понятию «сословие». Если Т. Н. Грановский пользовался им еще вполне бессистемно, не вкладывая в него специального социологического смысла⁴, то, например, у Н.И. Кареева оно получает четкие характеристики. Так, определение «сословной монархии» выглядит

³ Guizot F.P. Histoire des origines du gouvernement représentatif en Europe. T. 1 -2. Paris, 1851 – 1852.

⁴ Грановский Т.Н. Лекции по истории позднего средневековья (лекция 1 - 43). М., 1971. Passim.

у него следующим образом: «Король делился властью с представителями отдельных сословий, на которые распадалось каждое государственное общество. <...> Правом представительства пользовались только высшие сословия или «чины» (*ordines, Stände*) государства и потому средневековые аналогии современных парламентов мы называем сословно-представительными⁵». И позже разъясняется: «В средневековом обществе на Западе, начиная с феодальной эпохи, мы различаем четыре сословия: духовенство, дворян, горожан и крестьян, и эти четыре сословия сохраняются там в течение всего нового времени до политических переворотов с конца XVIII в., которые положили начало разрушению сословного строя и превращению общества в бессословное гражданство, разделенное лишь на социальные классы»⁶. В приведенных определениях содержится несколько противоречий и очевидных сегодня анахронизмов, которые, не будучи вовремя отрефлексированы, оказались унаследованы вместе с терминологией практически всей последующей российской и советской историографией.

Хотя правительство Российской империи на протяжении XVIII – XX вв. столкнулось с множеством препятствий, пытаясь свести все социальное многообразие своих подданных к обозримому числу «сословий» (так в этом до конца не преуспев), на рубеже XIX и XX в. за словом «сословие» все же уже стояла некоторая, пусть и туманная, правовая реальность. В частности, согласно общим положениям в начале IX тома Свода законов, природные жители России делились, прежде всего, на четыре сословия: дворяне, духовенство, городские обыватели и сельские обыватели. Удивительно, как хорошо этот список соответствует «сословиям» в «средневековом обществе на Западе», согласно Карееву. В какой мере автор стремился к точному описанию средневековых реалий, а в какой – руководствовался политическими и публицистическими задачами?

Вопреки мнению Кареева, русское слово «сословие» при всей своей исходной многозначности явно не может точно передать понятия *ordo* или *Stand*. Во-первых, понятие *ordo* в интересующем нас смысле относится прежде всего к тому, как средневековый «социолог» представлял себе свое общество. Кареев же (а за ним и вся отечественная историография), как видно из приведенной цитаты, видит в сословиях действительно существующие в обществе группы. Во-вторых, *ordo* (или *status*) обозначает определенную ступеньку в модели общества, независимо от количества лиц, стоящих на этой ступеньке. Поэтому некоторые английские теоретики предлагали считать первым *ordo* короля. Но король в качестве самостоятельного «сословия» в русском словоупотреблении воспринимается мягко говоря странно. По-русски «сословие» - это всегда большая группа людей. В-третьих, в силу умозрительности *ordines* они сплошь и рядом существовали (помимо сознания королевских советников) отнюдь не в «дисперсной социальной действительности», а лишь в виде групп лиц, со-

⁵ Кареев Н.И. Поместье-государство и сословная монархия средних веков. Очерк развития социального строя и политических учреждений в Западной Европе в средние века. СПб., 1913 (Типологические курсы по истории государственного быта, 3) (3-е изд.). С. 6 – 7.

⁶ Там же. С. 177.

бранных в тот или иной «предпарламент». Мы бы, наверное, говорили применительно к таким группам скорее о «палатах», «камерах» или «куриях», нежели о «сословиях». Иными словами, за «городской палатой» вовсе не обязательно должно было стоять «сословие горожан», направляющее своих представителей в парламент. В-четвертых, все *ordines* в своей совокупности представляли страну, королевство, «всех» (поэтому тут и нашла применение формула канонического права *Quod omnes tangit debet ab omnibus approbari*), а вопрос том, как набираются люди, являвшие собой тот или иной из «рангов», - был, как правило, вторичным. Тогда как в условиях Российской империи, «ожидавшей парламентаризма», на первый план вышел вопрос именно о том, как организовать справедливое представительство каждого из предполагавшихся законодателями в наличии сословий.

В выборе сочетаний слов «сословное представительство», «сословная монархия» и «сословно-представительная монархия» ощущается воздействие немецкого правового языка. В отличие от французского, или английского, там обнаруживаются аналоги русским оборотам: *ständische Vertretung*, *ständische Monarchie*, *repräsentative Monarchie*. Однако сходство здесь обманчиво. Немецкое *Stand* может относиться к одному-единственному субъекту имперского права – князю, графу, аббату, монастырю, университету, имперскому городу (но, что характерно, не к «горожанам»)⁷. Поэтому *ständische Monarchie* – это не такое устройство, при котором графы могут выбрать и отправить в парламент представителей от «сословия» графов, а такое, где каждый имперский граф может явиться сам, поскольку без него империя представлена не полностью. Именно поэтому слово *Stand* обычно переводят совсем уж неопределенным словом «чин», но Кареев сознательно предпочел ему «сословие» – вероятно, чтобы приблизить средневековые парламенты к реалиям Российской империи. Сочетание слов *repräsentative Monarchie* подразумевает не «представительство сословий», а представительную монархию либо примерно в том же смысле, что и *gouvernement représentatif* у Ф. Гизо, либо же в почти противоположном: решения, согласованные со всего несколькими десятками человек, обязательны для исполнения всей страной. В любом случае, русский термин «сословно-представительная монархия» походит на эклектическое соединение двух разных немецких.

В советские времена и без того расплывчатое дореволюционное понятие «сословие» было осложнено подчинением его категории «класс», относящейся к характеристике социальной группы уже не по юридическим, а по политэкономическим параметрам. В результате неопределенность как самого понятия, так и всех институтов, с ним связанных, только возросла. Из этого, естественно, вытекает задача прояснения терминологического и концептуального аппарата историков, учающих «сословное представительство» как на Западе, так и на Востоке Европы.

⁷ См. характерную жалобу на исключительную сложность данного понятия в: Conze W., Oexle O., Walther R. *Stand, Klasse // Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland*. Bd. 6. St.-Vert, 1990. S. 155 – 284, здесь S. 156 – 159.